



БУК «Областная библиотека для детей и юношества
Информационно – библиографический отдел

ОДНА НА ВСЕХ ВОЙНА...

Обзор книг о детях и подростках
на фронте и в немецком тылу



75
ПОБЕДА!
1945–2020

Омск 2020

Одна на всех война...: библиографический обзор книг о детях и подростках на фронте и в немецком тылу в годы Великой Отечественной войны / Областная библиотека для детей и юношества, информационно-библиографический отдел; сост. Е. В. Маркова. – Омск, 2020. – 17 с.

Составитель: Е.В. Маркова
Ответственный за выпуск: Л.В. Евсева
Компьютерный набор: Е.В. Маркова
БУК «Областная библиотека для детей и юношества»
Адрес библиотеки: город Омск, ул. Красный путь, 81
тел/факс: (3812) 21 10 61
oubomsk@mail.ru
<http://oubomsk.ru>

К читателю

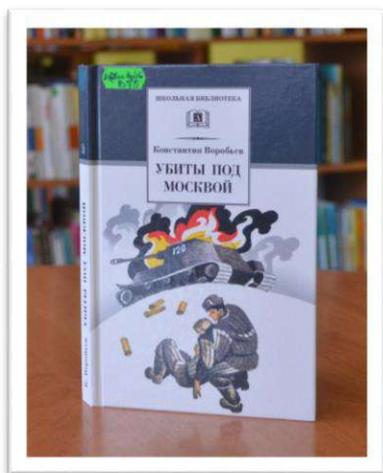
В русской патриотической традиции борьба с врагом, война с захватчиком укладывалась в формулу «всем миром навалиться хотят». Всем миром – это вместе со стариками и детьми. История Великой Отечественной войны – ярчайшее тому свидетельство. Дети и подростки – солдаты, дети и подростки – партизаны и подпольщики исчисляются сотнями и тысячами, дети – подлинными героями, совершившие немислимые, не представляемые умом сотни подвигов. Но надо помнить, что, когда началась Великая Отечественная война, в один строй с взрослыми солдатами, партизанами и подпольщиками встали не просто дети. Встали пионеры и комсомольцы. С 30-х годов все дети Советского Союза были членами молодёжных коммунистических организаций, и красный галстук или комсомольский значок (с 14 лет) были свидетельством принадлежности к пионерской организации или комсомолу, подтверждением того, что каждый ребёнок и подросток был готов «к борьбе за дело коммунистической партии Советского Союза». Многие из них прожили короткую, но яркую жизнь, получив посмертно высокие государственные награды, даже звания Героев Советского Союза во время Великой Отечественной войны. Война закончилась, но память о детях, которые погибли за Родину, осталась в сердцах людей, переживших ужас этой войны, в их детях и внуках. Она всегда поддерживалась и на государственном уровне с целью патриотического воспитания молодого поколения. Школьники 60-70-80 и даже 90-х были знакомы с именами и биографиями пионеров-героев и комсомольцев, благодаря книгам и фильмам, рассказам ветеранов, знали их в лицо по доскам почёта, бюстам в аллеях героев и даже просто у школ. Пионерские отряды носили имена сверстников – героев минувшей войны, нередко переписывались с их родными, одноклассниками, однополчанами, выезжали на родину героев и на места боев. Они знали, помнили и гордились. Они читали реальные истории их короткой жизни и понимали всю величину жертвы, принесённой народом на алтарь Победы. Изменилось время, ушла в небытие руководящая роль коммунистической партии, и сегодня в книжных магазинах не стало книг о пионерах и комсомольцах – героях прошедшей войны. Их просто не переиздают. В библиотеках же можно найти и «Улицу младшего сына», и «Четвертую высоту», «Чайку... Да, некоторая политизированность этих книг современному юному читателю не всегда понятна. Они не знают слов: избач, ударник, ячейка, но героические подвиги молодых ребят, их ровесников и ровесниц, совершенные в годы Великой Отечественной войны, по-прежнему вызывает восхищение и гордость за свой народ и страну.

Цель нашего обзора – «вспомнить» лучшие книги прошлых лет и представить новые о детях и подростках на фронте и в немецком тылу в годы Великой Отечественной войны. Пособие предназначено учащимся средних и старших классов, а также учителям и библиотекарям. Справочный аппарат пособия представлен краткими биографическими сведениями авторов произведений, включённых в обзор.

Говорят, в течение века сменяется 5 поколений – если брать определение Википедии. Реже говорят о 25 годах. В любом случае современные подростки – это уже третье послевоенное поколение. И для этого поколения Великая Отечественная война – даль неизмеримая... Это поколение практически не застало очевидцев той войны. Однако есть источники: семейные воспоминания, передающиеся от поколения к поколению, художественное и документальное кино, интернет и конечно – книги. Книги, написанные участниками войны и современными писателями. В первую очередь речь идёт о произведениях так называемой лейтенантской прозы. Многие из них можно читать как произведения действия: «Танки идут ромбом», «Горячий снег», «А зори здесь тихие» – самое подростковое чтение, но современная литература все больше интересуется внутренним миром человека на войне.

Пожалуй, среди представителей «лейтенантской прозы» только Воробьёв ещё в те, советские, годы приблизился к этой новой границе: в его повестях сочетаются и действие, и психологически достоверное превращение просто человека в человека-солдата. Советская литература – и «лейтенантская проза» в том числе – это литература действия. Может быть, это и приемлемо тогда и сейчас как детское и подростковое чтение, но мировая литература о войне

шагнула вперёд, и теперь авторов интересует человек войны, тот, кого война перепахала, переделала, переформатировала в некое существо с другой моралью, может быть, и высшей, иными ценностями.



Воробьев, К. Д. Убиты под Москвой: [повести и рассказы; 12+] / К. Д. Воробьев - М.: Детская. литература, 2015. - 284 с. - (Школьная библиотека).

Повесть, написанная писателем – фронтовиком Константином Воробьевым в 1961 году и опубликованная в 1963 в самом на тот момент читаемом журнале «Новый мир», была тепло принята читателями и собратьями по цеху – представителями так называемой «лейтенантской прозы», но не понравилась людям в высоких кабинетах. Не было там героя, который проходил бы как нож сквозь масло через немецкие окопы, и чтоб за плечами его непременно развевалась плащ-палатка. Там вообще не было героического героя. Там смерть и кровь, там черная страшная

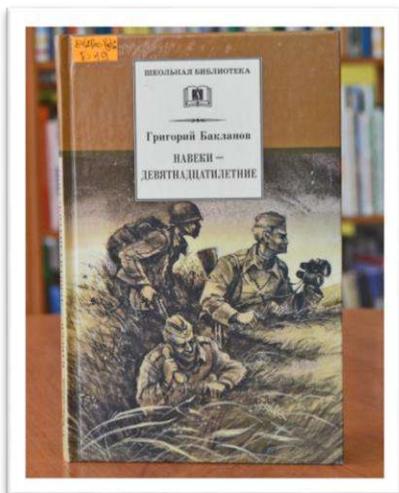
война, огромный кровожадный зверь: *«из сверкающей дали лениво прикатывались заглушенные обвальными взрывы: где-то там впереди по-живому ворочался и стонал фронт»*. Там каждая пуля, каждый осколок мины или бомбы ищут слабую человеческую плоть, и любой, сидящий в окопе, думает: *«Не моя, не в меня»*, а *«ни один осколок, казалось, не залетал в окоп вслепую, дурум, - до того как удариться в бруствер или стенку, он какое-то время фурчал и кружился вверху, будто прилаживался, куда сесть»*.

Сюжет повести «прост как правда»: рота кремлёвских курсантов, 240 человек – все одного роста – метр восемьдесят три, 17-18 летние мальчишки, сменили роту московских ополченцев недалеко от деревни в паре десятков километров от Волоколамска. Вооружены винтовками, гранатами и бутылками с бензином. Рота кремлёвцев отрыла окопы и даже почти любовно обиходила их: ровные стены, ниши для печек, солома на дне. Есть даже два пути отхода. Ждут наступления врага. Через линию обороны то и дело пробираются вышедшие из окружения бойцы и даже один генерал, со страху переодевшийся в форму рядового – и его, струсившего, видели курсанты, те самые, из которых готовили командиров Красной Армии. В душе главного героя Алексея Ястребова, двадцатилетнего командира 4-го взвода, *«не находилось места, куда улеглась бы невероятная явь войны»*, как, наверное, не находилось ей места и в душах курсантов: вот уже пятый месяц немцы рвутся к Москве. А как же с детства усвоенные истины: Красная Армия всех сильнее, бить врага превосходящими силами на его территории?.. Немцы начинают миномётный обстрел, который длится с небольшими перерывами («на кофе», как грустно шутят курсанты). Погиб политрук и шестеро курсантов. Первые боевые потери командир роты Рюмин решил превратить в некий воспитательный акт ненависти к врагу. Не вышло: *«Рюмин издал птичий писк горлом и выпрямился, враз поняв, что все, что он задумал с похоронами, - негодно для жизни, ибо кроме отталкивающего ужаса смерти и тайного отчуждения к убитым, никто из курсантов - сам он тоже - не испытывает других чувств; у всех было пронзительное желание быстрее покончить тут, и каждый хотел сейчас же что-то делать, хотя бы просто двигаться и говорить. Тогда Рюмин и понял, что «со стороны» учиться мести невозможно. Это чувство само растёт из сердца, как первая любовь у не знавших её...»* Ненависти у курсантов хватает, а вот боевого опыта... А главное – очень страшно. Алексею страшно и стыдно своего страха. Он командир, отвечает за жизни своих бойцов, которых он даже не привык называть по уставу, а зовёт по курсантской привычке: по именам. Рота - и взвод Алексея на правом фланге - отразила несколько атак противника, но довольно скоро ротный Рюмин понял, что рота оказалась в окружении. Он принимает решение идти на прорыв через занятое немцами село. Этот ночной бой, наверное, самая сильная сцена в повести с начала (*«Оказывается, подбегать к невидимому врагу и молчать - невозможно, и четвёртый*

взвод закричал, но не «ура» и не «за Сталина», а просто заорал бессловесно и жутко, как только достиг околицы села») и до финала. Одно дело – стрелять во врага, когда он десятке метров от тебя, другое – стрелять в упор. Колоть штыком, резать ножом. В этом бою каждый курсант убил своего первого немца. И Алексей. Его немец оказался тощим и лёгким, он умер буквально в объятиях Алексея: ему оторвало ноги, и он упал на лейтенанта. Заблевав ему полу шинели. Алексей старательно прятал эту полу шинели после боя, боясь, что товарищи сочтут его трусом, не выдержавшим напряжения боя. В бою рота потеряла 11 человек – немного для атаки. Но прорыва не получилось: фронт снова отодвинулся дальше. Роте предстояло ещё несколько бомбёжек, страшная последняя схватка с врагом. Проигранная. От роты осталось меньше отделения – пять человек, и тех накрыло бомбой. Ротный Рюмин застрелился. Остался только Алексей, в своём последнем бою, уже в одиночку, подбивший танк. А танк раскатал лощинку, где находился лейтенант, засыпав того миллионами тонн земли, из – под которых Алексей выбирался как из могилы. Собрав все найденное оружие, лейтенант отправился к фронту. *«Было тихо и сумрачно. Далеко впереди беззвучно и медленно в небо тянулись от земли огненные трассы и Алексей шёл к ним. Он ни о чем отчётливо не думал, потому что им владело одновременно несколько чувств, одинаково равных по силе, - оторопелое удивление перед тем, чему он был свидетелем в эти пять дней, и тайная радость оттого, что остался жив; желание как можно скорее увидеть своих и безотчётная боязнь этой встречи; горе, голод, усталость и ребяческая обида на то, что никто не видел, как он сжёг танк... Подавленный всем этим, он шёл и то и дело всхлипываяюще шептал: «Стерва... Худая...». Так было легче идти».* Теперь он знает, какая она, смерть: худая стерва.

Все чаще можно слышать: зачем читать такие книги, детям знать про все эти ужасы? Жизнь и так не сахар с мёдом. Не сахар. Но только на памяти моего, да и других уже сильно послевоенных поколений, было четыре войны. После той, великой. И воюют в этих войнах ровесники кремлёвских курсантов. И никто не гарантирован от встречи с худой стервой.

Григорий Бакланов в самой известной своей повести «Навеки девятнадцатилетние» вместе с героем размышляет о войне, накрывшей огромные территории и сдвинувшей с места массы людей, ведомых... чем? Стремящихся к чему? Умиравших за что?



Бакланов, Г. Я. Навеки – девятнадцатилетние: [повесть; 12+] / Г. Я. Бакланов - Москва: Детская литература, 2010. – 205 с. - (Школьная библиотека).

«Навеки девятнадцатилетние» написана Баклановым в 1979 году, через тридцать четыре года после победы. Самому автору было уже за пятьдесят, и герой, Володя Третьяков, годился ему, чуть ли не во внуки. Может, поэтому молодой лейтенант, нахватавшийся «верхушек артиллерийской науки», как сказал один из его сокурсников – курсантов, много думает о причинах войны, о том, что она делает с людьми. Наверное, самому Бакланову хотелось понять, как «сумрачный германский гений» додумался до душегубок, до концлагерей: *«Но вот эти так мало значащие жизни, эти люди, способные в бою сражаться до последнего, а*

там доведённые до того, что скопом, отпихивая друг друга, кидались на гнилые очистки, и охрана, сытые молодые солдаты, забавы ради, потому что это позволено, можно, лениво стреляли в них из-за проволоки». Практически полностью двенадцатая глава посвящена размышлениям героя (и автора) на тему войны. Жизни и смерти: *«Мы отражаем нашествие. Не мы начали войну, немцы на нашу землю пришли – убивать нас и уничтожать. Но они зачем шли? Жили-жили, и вдруг для них иная жизнь стала невозможна, как только уничтожив нас? Если б ещё только по приказу, но ведь упорно воюют. Фашисты убедили? Какое же это убеждение? В чем?»* А вот эта мысль, вероятно, и подвигла автора на написание повести:

«Неужели только великие люди не исчезают вовсе? Неужели только им суждено и посмертно оставаться среди живущих? А от обычных, от таких, как они все, что сидят сейчас в этом лесу, – до них здесь так же сидели на траве, – неужели от них от всех ничего не остаётся? Жил, зарыли, и как будто не было тебя, как будто не жил под солнцем, под этим вечным синим небом, где сейчас властно гудит самолёт, взобравшись на недостижимую высоту. Неужели и мысль невысказанная, и боль – все исчезает бесследно? Или все же что-то остаётся, витает незримо, и придёт час – отзовётся в чьей-то душе? И кто разделит великих и невеликих, когда они ещё пожить не успели? Может быть, самые великие – Пушкин будущий, Толстой – остались в эти годы на полях войны безымянно и никогда ничего уже не скажут людям. Неужели и этой пустоты не ощутит жизнь?» Повесть начинается с того, что киношники, снимающие фильм о войне, случайно нашли останки солдата. Нашего? Немца? *«Живые стояли у края вырытой траншеи, а он сидел внизу».* По зелёной от окиси пряжке со звездой только и смогли определить, что это советский офицер. Его имя, его жизнь остались неизвестны никому. Бакланов даёт ему имя, фамилию и судьбу, исправляя историческую несправедливость. Именно так – историческую. Героя теперь зовут Володя Третьяков, ему 19. Закончив восьмимесячные курсы при артиллерийском училище, Володя едет на фронт на попутках, на поезде, видя вокруг разруху, голодных и обессиленных людей – и темных личностей, скупающих у отчаявшихся последнее – даже его казённое вафельное полотенце оказалось ценностью. Прибыв по назначению, Третьяков получает под командование сначала связистов, потом артиллеристов. Интересен эпизод, когда Володя для того, чтобы заставить трактористов перевезти тяжёлые пушки через хлипкий бревенчатый мост, становится под мост и видит, как трещат и дыбятся бревна по тяжести орудий. 19-ти летний мальчик, командир батареи, как и его бойцы, переносит грязь, холод, голод, нечеловеческую усталость, но на его плечах – ответственность за выполнение боевой задачи, за жизни подчинённых. Он внимательно вглядывается в лица своих подчинённых и понимает: всех не запомнить – разве что самых примечательных, например, таких, чей облик не соответствует грозной фамилии, или сама фамилия смешная. И не потому, что их много, бойцов, а потому, что время каждого конечно: не успеешь привыкнуть к одному заряжающему, как в следующем бою у орудия стоит другой: *«На фронте воюет солдат, и ни на что другое не остаётся сил. Сворачиваешь папироску и не знаешь, суждено ли тебе её докурить; ты так хорошо расположился душой, а он прилетит — и накурится...».* Будучи тяжело раненым, Володя попадает в госпиталь. Там он встречает таких обычных и таких особенных людей: Артаковского, который носит орден на натальной рубахе – побывав в плену, он больше никому и ничего не хочет доказывать (*«В плену ничто Атраковскому не было обидно: враг есть враг, от него он не ждал для себя ничего хорошего, и сердце у него там было как каменное. Но когда не верят свои, вот этого нет тяжелей и обидней»*), ослепшего Ройзмана, играющего в шахматы по памяти. Когда-то он преподавал в артиллерийском училище, где учился Володя. Ройзман усиленно делает вид, что припоминает Третьякова, но нет – не помнит. Сколько их было, таких пацанов! А ещё Китенев, который, по его словам, не был ни ранен, ни контужен – очень уж ему хотелось от всех отличиться (*«Нет таких в пехоте, чтобы воевал и нигде не раненый, не побитый»*): *« Меня землёй привалило! – с достоинством говорил Китенев».* В госпитале познакомился Третьяков и с девушкой Сашей, старшеклассницей, ставшей его первой любовью. И, хотя предложили Третьякову остаться в тихом тыловом городке, он рвался на фронт:

« – А ведь ещё будем вспоминать это время, – сказал Атраковский, и глаза его блестели особенно. – Кто жив останется, будет вспоминать. Тянет уже туда?»

– Тянет! – Третьяков поражался, что капитан говорит то самое, что и он чувствовал.

– Там, когда уж совсем прижмёт, думаешь другой раз: хоть бы ранило, хоть бы перебило что-нибудь! А тут...

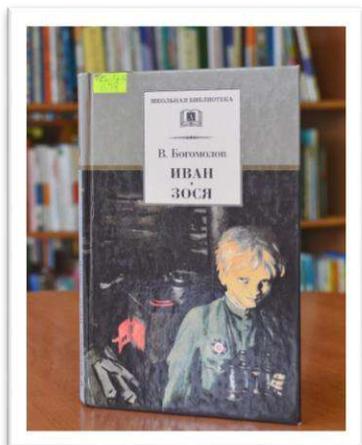
Атраковский смотрел на него, как отец на сына:

– Там головы не подымеешь, а душа разгибается в полный рост». На фронте Володю снова ранили, и снова в левую руку. Идя рядом с телегой с тяжелоранеными, думал он, как после госпиталя навестит мать и сестрёнку, снова увидит Сашу, как почувствовал, что подогнулась под

ним нога и услышал автоматную очередь. Чтобы девушка - санинструктор смогла увезти телегу, остался раненый Третьяков отстреливаться от немцев, и его накрыло взрывом. И всё. Кончилась биография лейтенанта Владимира Третьякова.

В повести один девятнадцатилетний герой – лейтенант Третьяков - все остальные и офицеры, и многие бойцы - старше. Но автор предпочёл множественное число - девятнадцатилетние, так как таких, как Володя Третьяков, были сотни тысяч, и Третьяков – лишь один из военного поколения: *«Никогда ещё от каждого из нас не зависело столько. Потому и победим. И это не забудется. Гаснет звезда, но остаётся поле притяжения. Вот и люди так».*

Эти слова можно отнести и к герою повести В. Богомолова «Иван». Действительно, короткой, но яркой оказалась жизнь героя.



Богомолов, В.О. Иван. Зосия: [повести:12+] / В. О. Богомолов – Москва.: Детская литература, 2012 - 190с. - (Школьная библиотека).

Повесть В. Богомолова «Иван» (кстати, сам автор определил жанр произведения как рассказ) вышла в печать в 1957 году в журнале «Знамя». Хорошо встреченная читателями, собратями по перу, критиками, она была экранизирована Андреем Тарковским, впоследствии знаковым режиссёром целого поколения. Фильм «Иваново детство» получил более полутора десятков наград, в том числе главный приз Венецианского кинофестиваля 1962 года «Золотой лев». В главной роли снялся Николай Бурляев – на тот момент ему было 14 лет. С тех пор все художники, иллюстрировавшие повесть, невольно делали Ивана похожим на

юного актёра: режиссёр верно угадал типаж: *«Вымывшись, он оказался светловолосым и белокожим; только лицо и кисти рук были потемней от ветра или же от загара. Уши у него были маленькие, розовые, нежные и, как я заметил, асимметричные: правое было прижато, левое же торпырилось. Примечательным в его скуластом лице были глаза, большие, зеленоватые, удивительно широко расставленные; мне, наверно, никогда не доводилось видеть глаз, расставленных так широко».* Фильм, конечно, отличается от повести – полтора часа экранного времени нужно как-то заполнить. Вот и появляются новые сюжетные линии (любовная), новые герои. Однако в главном режиссёр следует сюжету повести. Незамысловатому. Юный двадцатидвухлетний командир батальона (временный!) Гальцев разбужен среди ночи известием, что постовые задержали на берегу Днепра мальчишку, который требует сообщить о нем в штаб дивизии. Шпиона? Увидев «шпиона», *«худенького мальчишку лет одиннадцати, всего посиневшего от холода и дрожавшего; на нем были мокрые, прилипшие к телу рубашка и штаны; маленькие босые ноги по щиколотку были в грязи»*, Гальцев удивился и пожалел парнишку: *«дрожь пробрала и меня».* Но жалеть себя задержанный как-то не располагал: *«В его взгляде, в выражении измученного, с плотно сжатыми, посиневшими губами лица чувствовалось какое-то внутреннее напряжение и, как мне показалось, недоверие и неприязнь».* Мальчик потребовал доложить о нем в штаб дивизии «пятьдесят первому»: «Здесь Бондарев». За мной приедут», отказываясь что-либо объяснять. Самолюбивый и в силу щенячьего возраста обидевшийся Гальцев (хоть и воевал три года, имеет награды и ранения) не делал этого до тех пор, пока мальчик правильно не назвал фамилии нескольких штабных офицеров. Из штаба Гальцеву сказали «это наш пацан» и велели «создать условия». Мальчик только переоделся в сухую одежду, а есть и мыться отказывался до тех пор, пока не получил лист бумаги и перо. Достав носовой платок, он вытряхнул из него зерна пшеницы и гречки, хвойные иглы, тщательно их пересчитал и стал заполнять бумагу, разграфив лист, значками и плотными буквами. Закончив, сложил в конверт, конверт положил в больший по размеру пакет и приказал – именно приказал! – доставить пакет в штаб дивизии. Лишь после этого согласился поесть и помыться. Когда появляется красавец и балагур Холин с немецким чемоданом и одеждой для мальчика,

выясняется, что на пошитой по размеру гимнастёрке орден Отечественной войны и медаль «За отвагу» - самая солдатская медаль за самое беспримерное мужество. Холин рассказывает Гальцеву историю Ивана – так зовут мальчика (Не Ванечка, не Ванюша – так называет его только Катасоныч – самый знаменитый разведчик и ловец «языков», а вполне себе взрослое имя Иван: «...по лицу, угрюмому, не по-детски сосредоточенному, с морщинками на выпуклом лбу, ему можно было дать, пожалуй, и все тринадцать»). Взрослые сдержанны, ласковые слова как-то не монтируются с ситуацией: нельзя же жалеть мальчика, а потом самим отправлять его туда, где не им, а ему предстоит рисковать жизнью). Мальчишке довелось пережить столько, сколько не всякому взрослому выпадало на долю: и гибель родных, и плен, и концлагерь, и повоевать в партизанском отряде пришлось... А теперь он один из лучших дивизионных разведчиков. Вот и сейчас он вернулся с того берега Днепра, занятого немцами. Вплавь. В ноябре. Уцепившись за какой-то пень и проплыв в темноте несколько лишних километров. Яростная, всепоглощающая ненависть к захватчикам – движитель всех его поступков. Он может пройти там, где взрослому путь заказан. Притворившись сиротой, побирушкой: «...побираться - тоже никак не привыкну. Ух и тошно!» Я живо представляю, каково ему, гордому и самолюбивому, унижаться, попрошайничая».

Богомоллов намеренно не описывает скитаний Ивана по немецким тылам, хотя сделал он это – вышло бы намного горше и трагичнее, но он предпочёл, чтобы читатели вместе с Гальцевым и Холиным пережили горькую беспомощность взрослых перед лицом такой детской судьбы, остро поняли всю её противоестественность, расслышали заключённый в ней укор. Для Богомоллова важно показать, что детям на войне делать нечего, и если там для них нашлось дело, то это несчастье, беда. Гальцев, получивший тяжёлое ранение и признанный ограниченно годным к службе, заканчивает войну переводчиком. Получив задание разобрать трофейные немецкие архивы уже после победы, он натывается на дело некоего Ивана, опознав по снимку своего случайного знакомца: «Иван» никаких показаний, способствовавших бы установлению его личности, а также выяснению мотивов его пребывания в запретной зоне и в расположении 23-го армейского корпуса, не дал. На допросах держался вызывающе: не скрывал своего враждебного отношения к немецкой армии и Германской империи. В соответствии с директивой Верховного командования вооружёнными силами от 11 ноября 1942 года расстрелян 25.12.43 г. в 6.55. ...Титкову... выдано вознаграждение... 100 (сто) марок. Расписка прилагается...» (Титков – это полицейский, задержавший Ивана. Иван сопротивлялся яростно, даже прокусил Титкову руку. Хочется верить, что полицейский закончил свою поганую жизнь как должно: грузовик подъедет и отъедет, а предатель останется висеть). В фильме «Иваново детство» есть кадр, где Гальцев рассматривает фотографию Ивана в деле. Так, как смотрит Иван с этого снимка... Слов нет. Сам Богомоллов писал о своём герое: «...Главное для меня в «Иване» — это гражданственность, неприятие человеком (в данном случае двенадцатилетним мальчиком) зла и несправедливости, изображение ненависти ребёнка к немецким захватчикам и его самого активного противодействия... Мальчик в «Иване» не объект жалости. Это мальчик-патриот, Воин и Гражданин, настолько ожесточённый, настолько ненавидящий захватчиков, что удержать его от участия в смертельной борьбе невозможно». «Иван расстрелян ранним утром 25 декабря. Для немцев – протестантов это утро главного праздника – Рождества. В это утро родился Тот, Кто на кресте искупил грехи людей, чтобы жили они для любви и добра и не творили зла...

В тёмное утро светлого Рождества маленький Иван взошёл на свою Голгофу. Мужественно и твёрдо. Маленький воин. Солдат Отечества, он ступил в жизнь вечную». Эта вечная жизнь гарантирована всем солдатам, умершим за Отечество. Их последнее дело там, в вечности, оберегать живущих и сражающихся за правое дело. «...наши прадеды молятся // за в Бога не верящих внуков своих» (К. Симонов).

Небесное воинство, облачный полк как раз и состоит из тех, кто погиб за правое дело.



Веркин, Э. Н. Облачный полк: [повесть; 16+] / Э. Веркин – Москва.: КомпасГид, 2015. – 290 с.

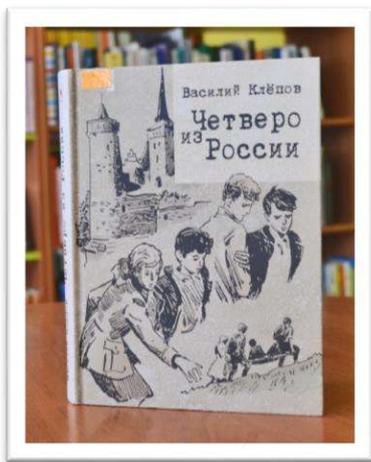
«Облачный полк» - книга об обычной войне. Странное словосочетание? Нет, не странное. Понятно, что война – это когда стреляют, взрывают, убивают и умирают. Но война – это ещё и грязь, дождь или снег, война – это когда холодно даже летом, постоянно хочется есть, и когда есть, что есть, то это недоварено, недосолено, скрипит песком на зубах, потому что повар не из «Астории» – он вообще-то керосинщик, на складе работал. И готовить просто не умеет. Война – это когда делишь землянку с клопами и «стасиками» - непонятными насекомыми, кусающимися, как звери. Это когда нужно рубить дрова, таскать

воду, стирать... Это когда командир отряда вспоминает, что ты пацан, хоть и контуженый, и друг твой пацан, пусть и постарше. А партизанский отряд – это советская власть. А раз власть советская, то детям нужно образование, школа, то есть. Хотя бы раз в месяц. И без всякой системы. Но хоть что-то. *«А куда мне их девать? – спросил он почему-то у Виктора. – Выгнать я нельзя, их убьют сразу. А если не убьют, то в Германию угонят. Домой я их тоже не могу отправить, дом тут совсем не у каждого остался. Да и опасно отправлять, сами знает. Ко мне каждый месяц сопля какая прибивается, а я тут советская власть, я их определять должен... Глебов свернул газету четверо, хлопнул себя по колену, сказал: – А на месте они сидеть тоже не хотят, возраст не тот. Вот и воюют... – Хорошо ведь воюют, – напомнил корреспондент. – А... – Глебов только рукой махнул. – Это все не для детей занятие, Виктор, сами ведь понимаете... – В Древней Руси уже в двенадцать лет на поле выходили, – возразил Виктор. – Это исторический факт. – Ну, мы же не в Древней Руси, – мягко перебил Глебов, – мы в Советском Союзе. Пацанва должна в школе сидеть, бабы должны щи варить, а воевать должны взрослые. Все просто».* Об этой обыкновенной войне вспоминает по просьбе правнука дачным чудесным летом Митяйка – когда-то Митяйка, а теперь патриарх большого шумного семейства, глядя на своего сына – толстого одышливого деда, внука, толстого и одышливого – его ни один парашют не выдержит, у которых соседская Пустолайка слопала замаринованное для шашлыка мясо. Вспоминает Митяйка своего друга и наставника Саныча, балабола и хитреца, но настоящего бойца, представленного к званию Героя, который боится только предателей, топтуна из бабушкиной сказки и строгую девушку Алевтину, А больше никого и ничего: его в детстве цыганка заговорила *«от пули, боли и неволи»*. Его даже сфотографировать нельзя: фотографии от него отскакивают. Как пули. Во как! И не осталось ба от Саныча никакого изображения, если бы не сумасшедший художник, у которого пацаны остановились переночевать, отправившись в разведку. Нарисовал он Саныча с копьем и звездочку – звезду Героя - нарисовал, хотя Саныч про неё и не рассказывал, и сказал художник, что самое место Санычу в картине: *«...говорит, для тебя тут справа местечко есть, в верхнем ряду».* А на картине изображены *«люди какие-то непонятные, смотрят как-то... Ну не знаю... Как завучи. Целая картина одних завучей! Аж пробирает, глаза точно отдельно ото всего нарисованы... Глазастая картина!.. Одеты странно, вроде все в рубахах белых, а если присмотреться, то и нет – из-под рубах другое просвечивает. У некоторых мундиры старинные, у других кольчуги, и в форме тоже есть. И это... они как живые. Словно покачиваются. И сколько их непонятно, вроде немного, но если долго смотреть... На самом деле может и полк».* И весь этот облачный полк, все эти люди живых и землю эту *«стерегут, это ведь бесспорно. Все, павшие в боях... Да и не в боях, все честные и добрые люди».* И маленькие детдомовцы, чьи письма нашли Саныч и Митя в сумке мёртвого немца – их фашисты угощали отравленными конфетами, брали у них кровь и кожу для пересадки своим раненым, их взрывали, привязав к столбу – шутили так. И партизаны, убитые выстрелами в затылок, тела которых смёрзлись кучей – не растащить, и остальные, погибшие в бою с егерями: *«...они не умирают. Нет, они погибают, но после этого... Они становятся вроде как небесными воинами».* И Саныч: *«С толстой глянцевой бумагой альбома на меня смотрит*

Саньч. Весёлый и злой, стоит, прислонившись к стене. С копьём, в тени узкого горного ущелья, отделяющего сумрак от света, потомок Геракла в сорок третьем колене, вечно на страже... И копьё у него все-таки очень похоже на ухват...» Прав был бывший военный корреспондент, который так и не смог сфотографировать Саньча: *«Народ не живёт без героев, это высокопарно звучит, я понимаю, конечно... Но это ведь так».* Жаль, что здесь нельзя поставить точку. Потому что сказаны в финале повести и другие слова: *«Тринадцать лет прошло, все улеглось, можно взглянуть по-новому. А мне кажется, мы начинаем забывать. То есть не хотим помнить. А это опасно, правда ведь? Если мы в пятьдесят восьмом уже не помним, то что потом будет?»* А сейчас 2020-й.

Сейчас 2020-й. и многое из того, что было когда-то кроваво-красным, выцветает и становится бледно-розовым. И действительно, «что-то с памятью моей стало». Очень печально, но многие современные подростки не знают даже дат крупнейших сражений. Уж не говоря о таких явлениях, как плен, коллаборационизм, остарбайтеры.

Вот о тех молодых людях и подростках, остарбайтерах, которых угоняли в Германию работать на тысячелетний рейх, повесть «Четверо из России».



Клёпов В.С., Четверо из России: [повесть;12+] / В. С. Клепов - Санкт-Петербург, Москва: Речь, 2015. – 318с. - (Вот как это было).

«Четверо из России» – это вторая повесть дилогии о четырёх друзьях: трёх мальчишках и девчонке. Первая повесть называлась «Тайна Золотой долины». Дело происходит в годы Великой Отечественной войны. После того, как в школу попала бомба, и учиться вроде как стало негде, да и война: какие там пестики-тычинки? - трое друзей, начитавшихся Фенимора Купера, Бред Гарда и Джека Лондона, отправляются в Золотую долину в поисках...да, именно золота. С намерением купить на него танк для

Красной Армии. Собирались они основательно: зимняя одежда, продукты. Даже дворняжек наловили с целью запрягать их в сани (в апреле!). Золота они не нашли, но обнаружили месторождение меди: на танк хватило. Естественно, им активно мешали враги. Все, понятно, закончилось...правильно. Враги остались с носом, а герои Молокоед, Дублёная Кожа, Фёдор Большое Ухо и Рыжая Белка вернулись в родной Острогорск победителями. Но «Тайна Золотой долины» - отличная приключенческая повесть. Весёлая, остроумная, с захватывающими приключениями. Несмотря на войну, идущую где-то рядом.

В повести «Четверо из России» герои сталкиваются с войной лицом к лицу: *«Весь день по нашей улице гремели немецкие мотоциклы, танки и пушки, непрерывно двигались автомашины, а потом как начали шагать фрицы, так у нас даже в глазах потемнело – шагают и шагают! И откуда столько взялось?»* Герои оказываются в оккупации. И хотя горожане отнюдь не рады незванным гостям, оккупационные власти железной лапой наводят свой Ordnung: *«А фашисты выходили из себя, видя, что наши люди не хотят на них работать. Только и слышно было по городу: того расстреляли, другого отправили в концлагерь, третий уже писал из Германии – его фашисты силой увезли на работу».* Так и трое мальчишек оказываются среди тех, кого эшелонам везут в Германию, работать на немцев. Уже по пути в Неметчину стало ясно, что это такое – немецкий порядок: бурда вместо еды, оскорбления и побои, убийство грудного младенца, которого мать тайком пронесла в вагон, а потом и самой матери...По приезду в Германию, спрыгнув из вагона на землю, *«Лёвка, прищурившись, посмотрел на чистое голубое небо: – Смотри-ка ты, у них есть даже солнце!»* Действительно, не верится – в фашистской Германии – и вдруг есть солнце. И оно светит равно как нормальным людям, так и фашистам. Далее следует сцена приобретения благополучными бюргерами и фермерами остарбайтеров:

«Когда мы вышли на широкую площадь перед вокзалом, русских уже выстраивали в два ряда. Посреди площади стоял длинный стол, у которого толпились люди. К нам подходил то один немец, то другой, выбирал из рядов кого-нибудь поздоровее и возвращался к столу. И тут до меня впервые дошёл смысл того, что здесь происходит: немцы покупали людей! Это было не в Новом Орлеане, не двести лет назад, а в Германии, в 20 веке. Каждый немец читал «Хижину дяди Тома» и, конечно, не одобрял, а осуждал американцев, которые торговали неграми. Но вот теперь такими неграми становились мы, русские, а работоторговцами – цивилизованные немцы!»

Опоздавшему управляющему фрау Фогель достались только три русских подростка. Пока их везли в имение, они думали, как им себя вести: *«Разве работать на немцев в Германии менее позорно, чем в Острогорске? Но и не работать, видимо, нельзя. Димка прав: начнут бить или пороть, пока не заперют до смерти. С другой стороны, прав Лёвка: работать на врага, значит, быть предателем Родины. – Будем работать, – ответил я Лёвке. – Только так, чтобы от нашей работы никакой пользы не было».* На фрау Фогель работают поляки, чехи, французы, югославы. Особенно много поляков – и на кладбище уже 25 польских могил: кто-то умер от голода и болезней, кто-то покончил с собой, кого-то забили до смерти хозяева. Фрау Фогель, несмотря на фамилию, отнюдь не птичка: носит с собой плеть и без раздумий пускает её в ход, упавшего с яростью бьёт ногами. Толстый одышливый сынок фрау Карл - Не - Жилец - На - Белом - Свете бьёт служанку Луизу (Лизу, вообще-то), таскает за волосы, загоняет иголки под кожу. Именно он натравил на Лёвку порвавшую мальчишку собаку и стрелял в него, тяжело ранив. Мальчишки подружились с русскими «рабами» и поляками, рассказав, что Москву не сдали и под Сталинградом идут бои. И город никто не собирается оставлять врагу *«За Волгой для нас земли нет!»*. Вместо провинившейся Луизы в имение привозят из концлагеря худую рыжую девчонку, в которой друзья не без труда узнают свою рыжую и когда-то пухленькую «скво» Белку. В конце концов друзья решаются на побег: Белка раздобывает продукты, глухонемой Отто, искалеченный когда-то гестаповцами, помогает с одеждой: формой гитлерюгенда. Сделав носилки и положив на них раненого Лёвку, друзья где пешком, где на лодке пытаются вернуться в Советский Союз: *«Из тех сведений по географии, что дали нам в пятом классе, я знал, что если двигаться из Германии все время на восток, можно попасть в Советский Союз. Так что, если даже никого не расспрашивать о дороге, мы, пожалуй, могли бы только по солнцу и Полярной звезде добраться домой».* По дороге умер Лёвка – газовая гангрена. Похоронив товарища, ребята продолжают свой путь: кто-то им помогает, кто-то мешает, пытаются их задержать, поймать, сдать в гестапо. Особенно старается старый, ещё по Острогорску враг, встреченный в Германии Паппенгейм (ему нужно, чтобы ребята подтвердили, что он был первым в Золотой долине) и горбун – управляющий Камелькранц. Наконец они добираются почти до дома: встречают партизан отряда командира Свата, который оказывается... отцом Васки Молокоедова. Так заканчивается их побег домой, но им предстоит ещё обратный путь, победный.

Повесть очень захватывающая и интересная. Хотя, возможно немного суховата проза автора на эпитеты: не употребляет он их, кроме самых необходимых: старый, лысый, длинная, рыжая. Жаль. Однако уже за желание рассказать о жизни на чужбине остарбайтеров автор заслуживает благодарности. Храбрые и преданные своей стране ребята, верные клятве пионеро-ленинцев – именно такие герои, в которых нуждаются сегодняшние дети.

Все чаще авторы, пишущие о войне, ставят героев в положение, которое без прикрас можно назвать безвыходным. Речь идёт о фантастических произведениях, использующих приём попаданчества - литературный приём, который подразумевает, как правило, внезапное перенесение персонажа (реже – нескольких) из привычного ему мира в параллельную вселенную, в прошлое или будущее, на другую планету и т. д. Персонажи таких книг переносятся в иную реальность, как правило, помимо собственного желания. Причинами этого могут быть как случайные стечения обстоятельств, так и целенаправленное воздействие посторонних сил. Полная свобода действий – преимущество, которое есть у авторов, работающих в таком жанре. И вот тут-то автор, подвергая героев многочисленным испытаниям,

отвечает на главный вопрос: как современник справляется с тем, что было важным – а порой единственно важным – для отцов, дедов и прадедов.



Шевцов А., Мы из будущего: [роман; 16+] / А. Шевцов – Санкт-Петербург: ТИД Амфора, 2010 - 190с. - (Серия «Смотрим фильм - читаем книгу»).

«Мы из будущего», – фраза, которую неоднократно произносят герои повести, черные копатели (термин уже даже без кавычек и пишется, и произносится – настолько распространено явление, когда самодеятельные группы и одиночки занимаются нелегальным выкапыванием различных предметов старины. А герои повести трофейщики («боевики», «чёрные следопыты», «диггеры») занимаются поиском на местах боёв Великой Отечественной войны. Ищут оружие, награды, амуницию, предметы быта. Понятно, продают). «Мы из будущего» - как заклинание, как оправдание своего существования то и дело

произносят герои. *«Карпенко брезгливо поморщился: «Только не надо про будущее и потомков. С такими, как вы, у нас нет будущего».* Вот, собственно, конфликт повести в двух словах. Стоило ли умирать советским солдатам в 1942 году за наркота Чуху, скинхеда Черепа, за циника и подонка Спирта (*«Череп схватил Спирта за грудки. – Ну ты, гнида, змея ползучая. Всем яд под кожу прыснул. Все, предел!»*), за Сергея Филатова, который даже погоняло себе выбрал в честь крутого фашистского гада, начальника Партийной канцелярии НСДАП, рейхсминистра по делам партии, начальника Штаба заместителя фюрера, рейхсляйтера Мартина Бормана...

Сюжет незамысловат: четверо черных копателей, разрывающих окопы и могилы советских солдат на местах боев под Ленинградом (в смысле - Санкт-Петербургом), в качестве развлечения стреляющих по вырытым черепам – как в тире, попадают в 1942 год (мистическая странность: нашли в обрушившемся блиндаже солдатские книжки со своими фамилиями и фотографиями). Воевать они не хотят – они хотят домой: раз за разом ныряют в озеро, вынырнув из которого они, собственно, и оказались на войне. Попав в плен, готовы согласиться сотрудничать с немцами. (- *«Вы хотите потрудиться на благо Германии и помочь товарищу? (могилу вырыть). Следопыты в едином порыве услужливо закивали, не скрывая своей пьянящей радости от представившегося шанса жить дальше и дышать этим пронзённым утренними лучами чистым воздухом, пусть даже вместе с офицером СС»*). Пленного красноармейца, готового дорого продать свою жизнь и убить хоть одного фашиста перед смертью, они избивают: *«Не будь сволочью, Димон, тебе-то какой навар, если нас тут грохнут. – Спирт схватил его за руку.*

– Пойми ты, наше место не здесь, – угрожающе сказал Борман. Красноармеец растерялся, переводя взгляд то на одного, то на другого, ища хоть каплю понимания и сочувствия.

– Если Родина в опасности, наш долг...

– Такие, как ты, нам всю жизнь изгадили, – перебил его Спирт. – Сами лезут в пекло и других толкают. Ты думаешь, потомки спасибо тебе скажут. Конченные гады, не правда ли? Однако затем, защищаясь, они убивают немцев мотопатруля, спасают раненого по фамилии Путин. Владимир Путин. (*«Борман торжественно посмотрел на приятелей. – Ну, чего расселись, слышали, что Путин сказал? Встали и понесли. Историю делать будем»*). Прикрывают обоз с ранеными. И в финале Борман подрывает гранатой себя, того офицера СС, который предлагал парням служить великой Германии, и бронетранспортёр. Вот как-то так. Война! Остальные трое возвращаются в 21 век и старательно зарывают те окопы и могилы, которые до своего провала в прошлое так же старательно раскапывали.

Кстати, наиболее «советским» солдатом оказывается бывший скинхед Череп, раненого Путина тащит на себе трус и плакса Чуха. И даже Спирт что-то начинает понимать,

присоединяясь к приятелям в безнадёжном деле спасения раненых: «Эй, психи, подождите!» А на памятнике павшим, на плите с именами погибших, оказывается имя красноармейца Сергея Филатова. И о памятнике – а это уже про всех нас, Иванов, родства не помнящих: «Впереди, меж сосен, показалось воинское захоронение, как пишут в газетах – «мемориал воинской славы», хотя такой высокий эпитет едва ли был применим к этому заброшенному погосту... Следопыты легко перешагнули через низкую ограду в виде лавровых венков, отлитых из серого бетона. Во многих местах бетон отвалился и тяжёлые аляповатые листья опали, обнажив ржавую арматуру. В центре мемориала стояла низенькая скульптура солдата в плащ-палатке, покрашенная облупившейся местами масляной краской. Воин, скорбя, склонил голову над плитой с едва различимым длинным списком фамилий, захороненных в братской могиле».

По мотивам повести в 2005 году был снят фильм «Мы из будущего» (реж. Андрей Малюков). Фильм однозначно лучше книги, но прочитать её стоит именно потому, что фильм и книга во многом разошлись. Интересно подумать, почему. Сценарий фильма ведь тоже писал Швецов. И в него не вошло многое из того, что было в повести. А кое-что радикально изменилось. И тоже интересно, почему.

Как видим, произведения о детях – солдатах, подростках и совсем молодых людях вызывают много вопросов, в том числе и о правомерности участия детей в военных действиях. Одни авторы убеждены в том, что война – одна на всех. Другие считают детей-солдат аномалией, большой бедой на фоне очень большой беды – Войны. Но что было – то было. К сожалению, и в наше время гибнут мирные жители, в том числе дети, гибнут под бомбами и пулями, и в армию идут служить совсем юные восемнадцатилетние подростки.

Авторы

Григорий Бакланов



Григорий Яковлевич Бакланов (настоящая фамилия - Фридман; 11 сентября 1923, Воронеж - 23 декабря 2009) - русский прозаик. Вырос в интеллигентной семье. Рано осиротел, его и старшего брата (студент Московского университета, погиб в октябре 1941 под Москвой в ополчении) вырастили родственники. В 1940 перешёл из школы в авиационный техникум, в 1941 после начала войны сдал экстерном экзамены за среднюю школу - разнёсся слух, что в армию сначала будут брать тех, кто закончил десятилетку. Осенью 1941 года, воспользовавшись случаем, ушёл добровольцем в армию, служил рядовым в гаубичном полку на Северо-Западном фронте, был самым молодым солдатом в полку. В ноябре 1942 года Бакланова направили в артиллерийское училище. После окончания училища в августе 1943 (это был ускоренный выпуск) командовал взводом управления артиллерийской батареи на Юго-Западном и Третьем Украинском фронтах - воевал в Украине, Молдове, Румынии, Венгрии, Австрии. Был тяжело ранен, имеет военные награды. Как хорошо сказал однажды Александр Твардовский о писателях этого поколения, ушедших на фронт прямо со школьной скамьи, они «выше лейтенантов не поднимались и дальше командира полка не ходили» и «видели пот и кровь войны на своей гимнастёрке.» Первый рассказ Бакланов написал после войны, ожидая демобилизации; в 1946 году был принят в Литературный институт имени Максима Горького, который окончил в 1951-м. Публиковаться начал в 1950. Писал очерки и рассказы, много ездил по стране, в основе первой повести «В Снегирах» (1954) - впечатления от этих поездок. Через несколько лет писатель обращается к жизненному материалу Великой Отечественной войны, и основанные на нём произведения принесли ему широкую известность. В 1986-1993 возглавлял журнал «Знамя», сыгравший заметную роль в духовно-нравственной перестройке общества, в преодолении укоренившегося в литературе в сталинские и «застойные» времена идейного и эстетического догматизма, в разрушении возводившегося годами частокола запретов и табу. По книгам и по сценариям Григория Бакланова снято восемь фильмов, из которых он самым близким считал телефильм «Был месяц май», поставленный Марленом Хуциевым по рассказу «Почём фунт лиха». Григорий Бакланов был лауреатом Государственной премии СССР 1982 года в области литературы, искусства и архитектуры за повесть «Навеки девятнадцатилетние», Государственной премии РФ 1997 года за книгу «И тогда приходят мародёры». Был награждён Орденом Трудового Красного Знамени (1983).

Эдуард Веркин



Эдуард Веркин родился в городе Воркута в мае 1975 года. Отец писателя – шахтёр, мама – фармацевт. Закончив школу и немного поработав, в 1993 году Веркин без проблем поступил в университет в городе Сыктывкаре. Учился параллельно на двух факультетах: на юридическом и на историческом. До 1999 года, после учёбы, работал преподавателем в Воркуте в одном из вузов. Именно в это время начинает заниматься литературой и идёт учиться на курсы в Литературный институт. В 2003 году, после окончания курсов, начинает писать. Сегодня он известный автор многочисленных детских книг, член Союза писателей.

Автор работает в разных жанрах. Всего им написано более 90 повестей, романов и рассказов для детей – от ужастиков до реализма. «Я бы с удовольствием не писал, за 15 лет мне это очень надоело. Если бы мне выпал выигрыш в лотерею – 150 миллионов долларов (ну, можно и десять), я бы долго-долго не писал. Или по строчке в неделю. Такого, чтобы у меня руки чесались, пожалуй, нет, хотя теперь уже сложно представить себя в другой сфере. Занятие литературой – сильный яд, к этой жизни привыкаешь. Я 5 лет преподавал историю и политологию, а потом понял, что надо браться за ум и заниматься литературой. В общем, не жалею».

Константин Воробьев



Воробьев Константин Дмитриевич (1919 - 1975) родился в селе Нижний Реутец Курской области. Детство будущего писателя было тяжёлым, ему сполна пришлось испытать голод, лишения. Мальчику было всего 14 лет, когда он пошёл работать. После окончания сельской школы некоторое время Воробьев учился в сельхозтехникуме в Мичуринске. Затем он окончил курсы киномехаников. После этого вернулся в родное село. В 1935 году Константин Воробьев некоторое время работал в районной газете. Потом уехал в Москву, стал работать в редакции газеты «Свердловец», одновременно учился в вечерней школе. В 1938 году был призван в

армию. После окончания военной службы стал лит-сотрудником газеты Академии им. М. В. Фрунзе. Отсюда его направили на учёбу в Кремлёвское пехотное училище. В 1941 г. рота кремлёвских курсантов попала на фронт. Почти все курсанты погибли. В 1963 г. была создана повесть «Убиты под Москвой». Это произведение было негативно принято критикой. Повесть объявили клеветнической и ложной. Будучи раненым, попадает в плен (1941 - 43), дважды бежит. В 1943 - 1944 был командиром партизанской группы в составе Литовского партизанского отряда «Кястутис». В эти годы написал повесть о пережитом в плену, которую напечатали только в 1986. Часто в своей жизни Воробьеву приходилось слышать: «Написано хорошо, талантливо, но напечатать не можем». Это касалось повестей «Одним дыханием», написанной в 1949, напечатанной в 1958 («Последние хутора»), «Ермак», «Тетка Егориха», «Друг мой Момич», изданных после смерти писателя (в 1980-е).

Воробьев умер в 1975 году от опухоли мозга в Вильнюсе. Через 20 лет прах писателя был перезахоронен в его родном Курске на Офицерском (Никитском) кладбище. В 1995 году Воробьеву посмертно присуждена премия им. Сергия Радонежского; в 2001 году также посмертно присуждена премия Александра Солженицына. Имя Константина Воробьева носит библиотека, расположенная по адресу ул. 50 лет Октября, 15 «а».

Василий Клёпов



Василий Степанович Клёпов (20 декабря 1909 г. - 10 декабря 1976 г.) - советский детский писатель. Родился в бедной большой крестьянской семье. После окончания 9 классов в СОШ № 1 имени А. С. Пушкина г. Моршанска грамотный паренёк-комсомолец стал «ликвидатором безграмотности» - ездил по деревням, учил крестьян читать и писать. В 1926 году отправился в Москву как селькор «Сельской газеты», поступил в единый художественный рабфак, позднее переименованный в рабфак искусств им. Луначарского. Здесь молодой журналист имел возможность много читать, начал сочинять стихи. Стихи были опубликованы в журналах «Новая деревня», «Селькор», газете «Молодой ленинец». В Москве встретился со своей будущей женой Марковой Ольгой Ивановной (она в 1926-1929 гг. училась на литературном отделении Московского едино-художественного рабфака, в Институте народного хозяйства им. Плеханова). Вскоре они сыграли комсомольскую свадьбу. В 1937

году НКВД обратил внимание на супругу Клёпова, как, впрочем, и на других писателей - их направо и налево исключали из партии. Обвинение в троцкизме, вызов на беседу в НКВД и пощёчины от допрашивавшего её офицера напугали молодую писательницу, она пошла за советом к П.П. Бажову, которого в то время хотя в троцкизме не обвиняли, но из партии исключили за «антисоветскую книгу». Павел Петрович посоветовал ей уехать из города к родителям, в уральский посёлок Новая Утка. Так Василий Степанович вместе с семьёй в 1937 году попал в Новую Утку, где стал преподавать в школе географию. В это же время он поступил и заочно учился в Свердловском педагогическом институте. С началом войны Клёпов был мобилизован, отправлен на курсы политработников запаса. Василий Степанович служил агитатором полка, а затем бригады в частях Уральского военного округа. После войны Василий Степанович 5 лет работал в газете «Уральский рабочий» заместителем главного редактора. Но семья распалась, и в 1951 году Клёпов по путёвке ЦК КПСС уехал в сочинскую газету «Красное Знамя», впрочем, проработал там недолго. После тяжёлой болезни, видимо, инсульта, в 1956 году он вынужден был уйти на пенсию. Стал инвалидом второй группы. Для Василия Степановича, любителя путешествовать, это было вдвойне тяжело. И все же он, поселившись в Лоо, под Сочи, постоянно выбирался на природу. Начал писать книгу. Рассказы о приключениях мальчишек, которые рассказывал сыну Севе, выросли в «Тайну Золотой долины». Сын, к

сожалению, до этого времени не дожил - несчастный случай на озере, и в 1957 году Всеволода не стало. Книгу издали в 1958 году. И нашёлся на увлекательные приключения свой «родительский комитет» - в газете появился отзыв, автор которого предупреждала: «Родители, берегитесь этой книги! Она учит детей сбегать из дома». Не понравилось критику и то, что в повести постоянно упоминаются зарубежные писатели! Это был серьёзный удар для начинающего писателя. И Василий Степанович даже переделал конец повести. В новом варианте мать Лёвки не перенесла побег сына, умерла, описываются похороны. К счастью, за книгу заступился редактор журнала «Урал», известный уральский писатель Олег Коряков. Он попытался объяснить, в чем педагогическая ценность повести. После этого повесть издавалась уже в первоначальном варианте. К февралю 1970 года у Василия Степановича было издано 10 книг (среди которых «Лагерь на озере Чикомасов», «Мыс Доброй Надежды», «Переполох на опушке», «Тёзки» и др.) в издательствах Свердловска, Москвы, Краснодара и Ростова. Две книги готовились к выходу в Свердловске и одна лежала на рабочем столе, над ней он ещё работал.

Александр Швецов



Александр Швецов родился в 1971 году. Два высших образования. В конце 90-х, параллельно с основной работой (юрист), занялся журналистикой. Публиковался в «Комсомольской правде», «Московском комсомольце», «Тайном советнике» (СПб). В 2001 году - начало сценарной деятельности. Автор семи сценариев полнометражных фильмов и сериалов. В 2004 году один из сценариев реализован телеканалом 7ТВ. Сценарная заявка «Почта СССР» вышла в финал конкурса Открытого Российского кинофестиваля Кинотавр (2006 год). В 2005 году по сценарию «Мы из будущего» снят полнометражный фильм и четырёхсерийный сериал.